

ЗАПИСКИ ЧИТАТЕЛЯ

На обращение Дома искусства прислать «Девяти музам» свои письма, заметки, размышления откликнулись многие читатели.

Представляем автора публикуемого ниже материала.

Нелли Саакян — аспирантка кафедры психологии Ереванского педагогического института. Она занимается психологией литературного творчества.

«ГОЛУБАЯ РОДИНА ФИРДУСИ» была в двух шагах. Она лежала за несколькими горными перевалами, в тусклом червонном недалеке. «Свет вечерний шафранного края» давно уже манил и тревожил его душу. Буквально больной персидской поэзией, Есенин приехал в Батуми, чтобы скорее попасть в желанную голубую даль Хорасана и Шираза.

Есенину пришлось задержаться в Батуми. Грустно вглядывался он в смутную морскую даль, бродил по опустевшей зимней набережной, а в голове складывались стихи о таинственной и знакомой Лале, которую породило его тоскующее воображение.

Но мало-помалу тоска сглаживалась: разноязыкий говор батумской толпы был все же отголоском того самого Востока, к которому поэт так стремился. И вот, когда первые два стихотворения цикла «Персидские мотивы» были написаны и помещены в местной батумской газете, в одно из тех поистине «чудных мгновений», которые выпадают на долю великих поэтов, Есенин встретил прелестное юное существо, намного пре-

восхитившее созданный его воображением образ персиянки Лалы. Удивительная чистота черт, лицо, «похожее на зарю», особая восточная притягательность темного взгляда настолько взволновали поэта, что одно из лучших стихотворений цикла было написано почти мгновенно. Необыкновенно легко ложился на бумагу строка за строкой, дух парил высоко и свободно. Прекрасной «персиянке» было посвящено много стихов цикла, и среди них самое пронзительное, более похожее на музыку, чем на стихи — «Шаганэ ты моя, Шаганэ!»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Комсомольский проект, 1968 25 лет

Светлые строки «Персидских мотивов» знают и любят все. Они переложены на музыку. У них счастливая живучесть песни-гимна. Они падают не раньше, чем падет государство Поэзия...

А ГЕРОИНЮ есенинских строк еще недавно знали очень немногие. Почти сорок лет оставалась в тени эта удивительно скромная женщина. Недолгие недели встреч и навсегда пропавший след поэта в январе 1925 года. Автограф на книге и стихи, переписанные знакомым крутым почерком, — вот, пожалуй, и все, что осталось у Шаганэ Нерсесовны Тальян от этих коротких встреч.

Это была стройная шатенка, очень гибкая и совсем юная, несмотря на свои 25 лет. Имела сына и незадолго до встречи с Есениным овдовела. Шаганэ Нерсесовна преподавала в местной армянской школе. Возвращаясь как-то после занятий, она заметила у дверей школы незнакомого молодого человека. Сразу бросилась в глаза особая элегантность незнакомца — прекрасно сшитый костюм, мягкая шляпа, летнее серое пальто, небрежно переброшенное через руку. Русоволосый незнакомец молча шел за ней до самого ее дома, но тревожить назойливыми вопросами не стал. Незадолго постоял на углу и медленно пошел назад. Вечером того же дня местный журналист Л. О. Пивидкий пришел с Есениным к соседке Шаганэ Елизавете Васильевне Иоффе

и сказал, что Есенин хочет познакомиться с Шаганэ.

На следующий день Есенин опять ждал Шаганэ на том же углу, что и накануне. Они медленно пошли по бульвару. В ту зиму прошел циклон, и море недобро шумело у берегов. «На море шторм, — сказал Есенин, как бы продолжая прерванный разговор, — я не люблю такой погоды. Лучше почитаю вам стихи».

Ей выпало счастье первой услышать это певучее «Шаганэ ты моя, Шаганэ!», и в тот же вечер поэт подарил ей автограф стихотворения — два листка клетчатой тетрадной бумаги.

Для Есенина наступил необычайно плодотворный период творчества. Вечерами он встречался с Шаганэ и всегда приходил с цветами, чаще всего с фиалками. Работать любил на рассвете и при этом не терпел постороннего глаза. Пушкинская бодрость, ясность и свобода духа владели им осенью. Кроме части цикла «Персидские мотивы», он писал «Анну Снегину» с ее тихими рязанскими пейзажами...

В СВОЕМ целомудренном отношении к женщине Есенин шел вслед за Фирдоуси, Саади и Хафизом, вослед за Востоком, утонченно сдержанным в описании прекрасной страсти. Ориентализм Есенина идет от всего сердца, и потому стихи персидского цикла не стали чужеродным телом в его поэзии. Они возвышенны и прозрачны, как горный родник. Восточная древность прошла через

его чуткую душу, а что и когда, пройдя через сердце гениального поэта, не дало прекрасных всходов!

«**ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ**» начинаются со строк, волшебство которых заставляет возвращаться к ним снова и снова: Улеглась моя былая рана — Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане...

Особенно магически, почти как заклинание, смысл которого утерян или неясен и оттого особенно волнует, звучит эта протяжная, долгая строчка: «Синими цветами Тегерана...» Она вся в голубых далах, вся духовная. Это высокий и пленительный полет израненной души, это та гениальная краска поэта, которая существует уже независимо от самого творца и остается в мире навечно...

...Перед отъездом поэт набросал Шаганэ пленительный и светлый план их будущих встреч. Он обещал ей вернуться. Обещал взять с собой в Персию, подарить шаль из Хорасана. Это были широкие обещания поэта — минутные, передаваемо милые. И виноваты ли поэты в том, что не всегда могут выполнить своих обещаний?

Человечество, которое чтит своих гениев, чтит и высокую память о прекрасных вдохновительницах поэтов. И к дорогим вам именам Лауры, Беатриче и Анны Керн мы вправе прибавить и светлое имя Шаганэ.

Н. СААКЯН.

